Из банкетного зала ответвлялись колоннады, как и в тот, в который Корделия впервые вошла с Мировым Змеем. Темный и тихий от разговоров в зале, он был идеальным местом для сделки с демоном. Корделия и ворон, теперь в человеческом обличье, шли рядом.

Походка фейри была легкой, как будто плывущей, и даже в этой форме серебристое свечение, что было раньше, слабо присутствовало. Она также не могла полностью определить пол, поскольку лицо было андрогинным, а тон голоса менялся в зависимости от настроения. И не было никаких указаний или приписывания определенных черт этому существу, вылепленному почти до совершенства и поэтому без изъянов — даже без тех маленьких причуд, по которым можно отличить одно лицо от другого, но вощеному, как изношенный мрамор скульптуры, все, что осталось, было впечатлением древнего совершенства, ничего от первоначального видения художника, кроме самых бесстрастных. Это было жуткое зрелище, на которое можно было долго смотреть, и поэтому Корделия отвела глаза.

«Ты эйнхерий, как и я?» — спросила она. «Или ты один из богов, повелителей фей, как их называют?»

«Я ни то, ни другое», — сказал он. «Мое существование не настолько божественно, чтобы его можно было назвать божественным, и в моем существе нет ни капли смертности».

«Тогда ты всего лишь фейри. И все же могущественные в зале смотрели на тебя с опаской».

«Они боятся не меня, а моей собственности».

«Какая-то сила, способная убить даже их злых богов?»

«Это изображение — самое низменное. Но это нечто близкое. И, возможно, мне следует добавить мой старый престиж к причине их ненужных опасений, мою бывшую должность, хотя она и не имеет большой ценности в наши дни, что ваш покровитель удачно продемонстрировал. Тем не менее, в светлые дни меня звали Хугинном, и я ночью это имя даже сейчас».

«Вороны Одина», — автоматически сказала Корделия, «Мысль и Память, Хугин и Мунин».

Беловолосый мужчина тепло улыбнулся: «Я вижу, что вы мудры в наших древних знаниях. Хотя наш вид оказал некоторое влияние на ваш родной мир, я не думаю, что многие из вас знают нас, за исключением нескольких человек с особыми интересами».

«Можешь называть это так, — пожала она плечами, — меня научила этим вещам подруга. Хотя даже она считала это выдумкой и человеческими изобретениями».

«Ты скоро узнаешь, как мало человек изобретает сам, девочка. Но ты говоришь об этой подруге с растущей теплотой, столь непривычной. Она дорога тебе?»

Корделия нахмурилась. «Один раз. Но я не хочу об этом говорить. Скажи, Хугин, чего хочет от меня шпион Одина?»

Он потянул за волнистую прядь белого цвета, оттененную синевой портала. «Я больше не шпион Всеотца. В эти дни я шпионю за зарплату и договорную плату, а иногда шпионю даже до того, как возникает спрос. Я посредник информации, и все темные боги полагаются на мою службу, которая удерживает меня от их гнева, даже когда мой репертуар выгоден сопернику».

«Знание — сила, да? Что-то в этом роде?»

«Многое зависит от разума. Это власть для тех, кто может мудро ею распорядиться, бесполезная для тех, у кого более насущные потребности, а иногда она губительна для тех, кого лучше оставить в неведении. Для меня это товар, не более».

Корделия резко остановилась, заставив остановиться и ворона. «Тогда я скажу тебе сейчас», сказала она, «во мне нет ничего стоящего. Я думаю, ты хочешь знаний о Деве. О которых я не скажу, и не смогу рассказать достаточно скоро. Ибо я имею намерение оставить ее и жить своей собственной жизнью, которая не будет иметь большой ценности для ученого или торговца знаниями, как ты утверждаешь».

Хугин долго смотрел на нее, и как раз перед тем, как она съёжилась под его пристальным взглядом, он отвернулся и продолжил свой путь. Корделия последовала за ним. «Я вижу, что тебе не нужен ничей совет, кроме собственного, но я скажу вот что: путь, который предписывает твоя убежденность, опасен, если не глуп. Ты не будешь играть в игру Мирового Змея и Темного Властелина, но все равно игра будет навязана тебе. Если бы ты не была тем, кто ты есть, ты бы завоевала мое восхищение за то, что бросила вызов судьбе». Он покачал головой. «Но не в этом случае, когда слишком многое находится под угрозой. Более того, ты склонна к глупости, если думаешь, что Змей позволит тебе свободно разгуливать от его драгоценной уловки».

«Разве я этого не знаю?» — усмехнулась она. «И все же, я должна причинять вред тому, кто не сделал мне ничего, кроме добра? Расскажи мне о своей сделке, Хугин. Я выслушаю тебя, раз ты спас мне жизнь, но не более того. И после этого позволь мне уйти».

Это, казалось, удовлетворило его, поскольку Хугин не протестовал против ее тупости, но замедлил шаг. «Знание за знание, Корделия, это все, что я прошу и в чем когда-либо нуждался. Твой Лорд поставил тебя против большинства тех, кто мог бы быть твоими союзниками. Эйнхерии будут искать тебя, за твою голову будет назначена награда, и еще больше невидимых врагов, которые захотят заполучить тебя для других целей. Против них, несмотря на всю силу, дарованную тебе Змеем, ты не сможешь помочь. Единственный способ — сделать несколько шагов впереди своего врага. И всегда ты сможешь обмануть своих смертных друзей, чтобы быть в их милости, одновременно удерживая угрозы рыцарей на расстоянии. Вдвойне труднее последнее, если ты выбираешь остаться рядом с Девой. И вопреки всему этому ты должна ориентироваться и найти единственный путь к безопасности, если таковой есть. Никакая грубая сила смертного или бессмертного не сможет заставить тебя следовать этим путем, но вся хитрость ума и проницательность врагов и друзей должны быть собраны, если ты хочешь

выжить. Все это я могу предоставить тебе и даже больше. Я только прошу взамен, чтобы ты рассказывала мне все подробности путешествия Девы к ее судьбе.

«Ты полагаешь, я останусь с ней. Почему? Я уверена, что для этой задачи есть шпионы получше».

«Никто не столь надежен, рожден и ревностно охраняется великим повелителем фей для этой самой задачи». Здесь он остановился и, казалось, некоторое время изучал ее, как будто оценивая, затем: «Змей хитрее, чем кто-либо из нас. Долгое время он обитал рядом с неизвестными существами внешнего космоса, и, возможно, он впитал в себя некоторые из их запретных мудростей. Или это могло быть что-то, переданное ему со времен Всеотца и ее отца. Я подозреваю, что он знает то, что мы можем только догадываться относительно Святой Девы. Что бы это ни было, я вложил большой интерес в эту не посвященную в рыцари смертную».

Вскоре они достигли черной двери в зал. Хугинн приоткрыл ее, и свет из нее выскользнул в колоннаду. Но он остановился и впал в меланхолию.

«Многие феи — тщеславные создания, Корделия. Мы относимся к людям как к низшим существам, а к себе — как к высшим. Часто это оказывается правдой, ибо знание фей гораздо обширнее, наш вид древний, и то, что таится во тьме, всегда имеет преимущество. И все же, это бездумный путь, в котором мы слишком часто повинны, — не обращать внимания на существование более великих вещей с еще более глубоким знанием, чем наше. Именно так, как люди отвергают призраков как суеверие, мы упускаем из виду более великие махинации мира. Но кто может сказать, что это само по себе не удача...» Он затих после этой бессвязной речи, но прежде, чем вторая прошедшая снова оживилась. «Но это неважно. Я действительно намерен обладать такими знаниями, Корделия. И поэтому я умоляю тебя заняться этим обменом выгодами. Вот...» Быстрым движением Хугинн потянулся к одному из своих волнистых локонов и выдернул. Когда он снова развернул перед ней кулак, внутри оказалось серебряное перо. «Если когда-нибудь тебе понадобятся мои услуги, дунь на это перо трижды».

Корделия прищурилась: «Это твой...»

«Это чисто. Так же чисто, как может быть чиста древняя мысль», — сказал он с юмором. «Думайте об этом также как об амулете. Если вы обнаружите, что очарованы, как вы были очарованы моим светом вчера вечером, это окажется полезным. Я предлагаю другим клиентам меньшие знаки внимания, но только вы имеете привилегию: думайте об этом как о экспресс-билете к моему вниманию».

«Я благодарю тебя и приму этот дар для использования в качестве амулета, если то, что ты говоришь, случится снова. Но я скажу тебе еще раз, что я не нуждаюсь в твоих услугах».

«Ты слишком часто испытываешь судьбу такими разговорами, Корделия. Но ночь близится к концу. И я должен попрощаться с тобой». И поэтому ворон отвесил изысканный поклон на прощание.

Сжимая перо в руке, Корделия на мгновение задумалась. И вдруг она резко подняла голову.

«И последнее, что я хочу сказать...»

Но голос ворона уже раздался эхом, перекрывая ее вопрос: «Прощай, Корделия фон Ёрмунганд...»

И она начала просыпаться.

Как после странного и насыщенного событиями сна, Корделия долго лежала, припоминая и упорядочивая спутанные воспоминания. Только это были не сны. И как только она открыла глаза, она увидела, что щекотка на ее ладони действительно была серебряным пером.

Но более реальными были боли. Боль в суставах и жгучие глубокие порезы на руке протестовали, когда она вставала. Браслет лежал неподвижно в раннем утреннем свете, огонь давно погас, а Деррик сидел на некотором расстоянии в молчаливом бдении.

Рыцарь обернулся на шорох. Корделия пожелала ему доброго утра.

«Как она?» — спросила она.

«Она будет жить», — мрачно сказал он.

В ответ на это на ее лице не отразилось большого облегчения.

«Что случилось?» — спросил он. «Ты выглядишь обеспокоенной, Корделия. У тебя есть необработанная рана?»

"Я буду жить."

Она пошла проверить Эсме.

Конечно, Эсме будет жить. Все ее беды связаны с этой девочкой, она не могла так просто умереть.

И пока Корделия смотрела на мирно спящую девочку, она задавалась вопросом, имела ли та хоть малейшее представление о том, как она была предметом напряженных дебатов между злыми богами всю ночь. Что на ее жизнь были сделаны ставки, и заговоры были тесно сплетены с ее судьбой. Так много великих вещей было привязано к веревке судьбы девушки, и все же она не замечала всего этого. Такая невинная. Такая беззаботная. Такая привилегированная. И почему бы не так свободно отдохнуть, когда все бремя забот и морали

Корделия будет нести на себе?

Корделия вздрогнула, словно от полусна. Ибо в этот момент детское лицо Святой Девы вызвало в ней, хотя она и знала, что это несправедливо, горькую обиду и зависть к миру, которого она не имела.

<http://tl.rulate.ru/book/114908/4458460>